

А.В. Луценко*

ХАРАКТЕРИСТИКИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКИ
ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛИЗМА

В статье представлен анализ эволюции финансового капитализма в XIX – начале XX в. на основе тектологического системного анализа А.А. Богданова (1873–1928). Автор рассматривает формирование «плутократии», спекулирующей виртуально-символическими ценностями в ущерб производству средств жизнеобеспечения, а также характеризует связь «плутократии» с милитаризмом и «военно-коммунистическим» распределением благ. Альтернативой этому А.А. Богданов считал «коллективизм», основанный на плановом хозяйстве. Завершает статью комплексная характеристика основных причин несовместимости «плутократии» и «коллективизма».

Ключевые слова: социальная философия, финансовый капитализм, тектологический анализ, А.А. Богданов, экономический кризис, рыночное распределение, плутократия, коллективизм

Characterizing the organizational dynamics of financial capitalism. ANTON V. LUTSENKO (Seversk Technological Institute, National Research Nuclear University «MEPhI»)

Based on tectological system analysis developed by Alexander Bogdanov (1873–1928), the article traces the evolution of financial capitalism in the XIXth and early XXth centuries. The author examines the making of «plutocracy» as a group that speculates on virtual symbolic values at the expense of the production of life-sustaining necessities, and characterizes the connection of «plutocracy» with militarism and the distribution of goods typical for «war communism». An alternative to this, as Bogdanov believed, is a «collectivism» based on a planned economy. The article ends with a complex description of the main reasons for the incompatibility of «plutocracy» and «collectivism».

Keywords: social philosophy, financial capitalism, tectological analysis, Alexander Bogdanov, economic crisis, market distribution, plutocracy, collectivism

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена тем, что теория марксизма до сих пор вызывает споры, при этом, однако, нет труда, равного «Капиталу» по объективности и глубине анализа эволюции капитализма. Как и прежде, исследователи стремятся рассматри-

вать этот комплексный процесс, произвольно выбирая один из аспектов, вокруг которого и выстраивают концепцию. Так, когда очередной кризис ставит перед обществом вопрос объективной оценки причин перерождения промышленного капитализма в империализм, то в силу

* ЛУЦЕНКО Антон Виленович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Северского технологического института Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ».

E-mail: avlutsenko@mephi.ru

© Луценко А.В., 2023

разных обстоятельств мало кто делает акцент на борьбе двух принципиально несовместимых экономических стратегий – спекулятивной виртуальной экономики, ориентированной на получение максимальной прибыли небольшой группой крупных «рыночных игроков», и экономики производительной, решающей задачу жизнеобеспечения общества в целом. Первая стратегия зародилась во времена европейского просветительского движения, когда двигателем прогресса была провозглашена свойственная большинству людей страсть к наживе: Ш. Монтескье назвал выгоду «величайшим монархом на земле», утверждая, что «выгода отдельных лиц всегда заключается в выгоде общества», важно лишь, чтобы общественной совестью людей был Закон [2].

Но уже в первой половине XIX в. стало ясно: выгода, взятая сама по себе, не согласуется с законом и совестью. Так, во Франции начало грандиозной исторической ломки было связано с воцарением в 1830 г. «принца банкиров» Луи-Филиппа Орлеанского, чье правление характеризовалось разгулом финансовых спекуляций, беспрецедентным ростом коррупции, расколом общества на сверхбогатые «верхи» и доведенные до нищеты «низы». Появился новый хозяин жизни – денежный мешок, а вслед за этим во всей Европе стал насаждаться порядок, при котором крупные собственники прямо провозглашались «столпами общества». «Сусальные сказочки» о внезапно разбогатевших бедняках, которым в награду за трудолюбие и бережливость бог даровал миллионы (например, легенда о Ричарде Уиттингтоне [20, с. 775]), лишь поначалу очаровывали людей, наивно веривших, что и им труд в поте лица позволит волшебным образом обрести несметные сокровища. Освобождение от иллюзий происходило, когда жаждущий неисчислимых накоплений человек сталкивался с невозможностью не только разбогатеть, но даже свести концы с концами, несмотря на труд до изнеможения.

Плачевные результаты изнурительных усилий разочарованные люди связывали с причинами «скоробогачей», которые представлялись уже «шайкой лиц, живущих стрижкой купонов» [24, с. 221]. К тому же «короли капитала» быстро оказались на пике такого влияния, перед которым пасовали и закон, и суд, и пресса. За короткий промежуток времени толстосумы получили контроль над западным обществом, и это, а вовсе не приписанное беднякам чувство

зависти к чужой удаче, вело массы к социальному протесту, причиной которого был подрыв фундаментальных принципов демократии, противоречивших тому, что декларировалось господствовавшей в Европе либеральной идеологией – на словах защитницей свободного предпринимательства, а на деле безжалостной системой социальной эксплуатации.

Одним из первых органический дефект либерализма выявил Гегель, охарактеризовавший полное отсутствие ограничений для хозяйственной и общественной деятельности как торжество *неправа* (Unrecht), при котором человек «знает себя свободным только тогда, когда *отступает от общепризнанного и значимого* и может изобрести для себя нечто *особенное*» [6, с. 47]. В соответствии с выводом Гегеля, «скоробогачи» не видели необходимости считаться с нормами, которые ставили их в один ряд со всеми, принуждая подчиняться принятым правилам – и в первую очередь это касалось представлений о том, как богатеть.

На заре становления либерализма Запад столкнулся с произволом феодалов, пресекавших распространение индивидуалистических идей: «борьба велась во всех странах, и формы ее были бесконечно разнообразны, жертвы – неисчислимы, жестокость, порою, выше всякого воображения» [16, с. 73]. Немалое число жертв понесла в этой борьбе нарождавшаяся торговая и промышленная буржуазия Запада, выступавшая под знаменем индивидуализма. Чтобы выжить и приспособиться к сотрудничеству с обществом, она научилась действовать через компромисс, выработала понятные всем правила взаимодействия, ежедневно доказывая своим образом жизни, что капитал сам собою не прирастает и движется только посредством труда, причем чистая выгода – за вычетом «нормальной» стоимости труда и сопутствующих производству расходов – не может быть сверхбольшой [4], и любая иная картина служит безапелляционным свидетельством того, что бизнесмен делает не дело, а деньги, и ради сверхнаживы игнорирует интересы общества – а стало быть, и оно вправе платить ему тем же. В связи с этим многие успешные капиталисты считали, что для процветания и сограждан, и бизнеса полезнее всего справедливая выгода – таковой может быть лишь умеренная прибыль, проистекающая «только из труда» [15]. В рамках этой хозяйственной парадигмы население Запада было не против поддержки реальной

производительной экономики и даже принимало участие в акционировании частных предприятий. Логика акционирования тогда была проста: вложив некую сумму в компанию, инвестор получал право, гарантированное акциями, на долю ее имущества, равную вкладу. При этом «всегда соблюдалось неизменное правило: стоимость акций была напрямую связана ... с реальным положением дел в конкретной компании. Развивалась компания – ... росла стоимость самих акций. И наоборот» [22, с. 21].

Но с течением времени «поменялся весь смысл акций. Точнее говоря, его подменили» [22, с. 20], и деньги стали делать на деньгах, минуя стадию материального производства, т.к. решающее значение приобрела меняющаяся котировка акций. В связи с этим возникло новое понятие капитализации, не имеющее отношения к реальному положению дел. Новый принцип операций с акциями оказался «прост донельзя: дешево купить, дорого продать... В этом бесконечном “купи-продай” нет места ожиданию дивидендов» [22, с. 21], зато есть место для чудовищных спекуляций и сверхобогащения. Так, наряду с реальной производительной экономикой, в мире родилась спекулятивная виртуальная экономика, основу роста которой составляло непрерывное обращение абстрактных ценностей, воплощенных в финансовом капитале. Предметом купли-продажи стал уже не материальный товар, а невещественное право распоряжения самим товаром и ресурсами для его производства. В классической экономике подобное право не могло существовать отдельно от материальных ценностей, а в виртуальной экономике оно легко обособилось и даже стало играть решающую роль, подчинив себе производство. Естественно, что параллельное существование столь разных экономических стратегий способствовало формированию диаметрально противоположных культур сотрудничества, что вело к нестабильности социума. Привычный механизм организации жизни «отказывался служить»: государственная власть сначала осторожно, а потом со всевозрастающей охотой сама стала входить в частный бизнес. И хотя для всех было очевидно, что причины возникновения гигантских богатств крылись совсем не в предпринимательском таланте их владельцев, руководство западных стран пошло на сотрудничество с толстосумами, и государственный строй получил характер плутократии, что означало «власть богатых, власть денег» [18].

Публицист-народник из России Г.З. Елисеев, заинтересовавшись этой проблемой, напечатал в «Отечественных записках» в 1872 г. статью «Плутократия и ее основы» после ознакомления с работами «немецкого экономиста Марло» (так русский журналист по цензурным соображениям назвал К. Маркса), который после тщательного и всестороннего изучения периода вступления германского общества на путь «великой индустрии» пришел к выводу: правление плутократов явится обязательной фазой развития капитализма, а провозглашенное невмешательство государства в дела бизнеса на самом деле окажется прикрытием для полномасштабного участия власти в прибыльных капиталовложениях. «Марло» в своем исследовании дал исчерпывающую характеристику европейской плутократии, отметив ряд ее особенностей:

1. Плутократию не следует смешивать с предпринимателями, организующими производственные дела. Капитал плутократов не связан с материальным производством и растет в результате спекуляций; поэтому плутократия малочисленна, и в нее «входят все одаренные хищными талантами натуры, к какому бы они сословию ни принадлежали»;

2. Плутократия «консервативна в либеральных государствах, революционна в монополистических (т.е. монархических. – прим. авт.) ... , она ... умеет вместе обмануть и народ, и королевскую власть: первый она уверяет, что хлопчет о его правах ... , последнюю – что она составляет ее защиту против нападения народа»;

3. Плутократия много говорит «о святости собственности... Но под собственностью разумет свободное право ... присваивать себе собственность других»;

4. Плутократия питает отвращение к социальным реформам и, изобретая различные способы воспрепятствовать их проведению, объединяется либо «в умеренную партию», если речь идет о политических правах, но «не для всего народа, а только ... для себя самой», либо «в партию порядка» для сокрушения всех, кто препятствует безнаказанному накоплению капиталов в карманах «скоробогачей»;

5. Сотрудничество плутократов с властями носит характер сговора, переводящего деньги из казны в карманы соучастников по простой схеме: «Под видом осчастливливания народа, развития его благосостояния они представляют правительству грандиознейшие предприятия ... с подробнейшими выкладками тех бесчислен-

ных миллионов, которые через осуществление этих предприятий потекут в их отечество, и просят для предприятия или монополии, или гарантии ... собрать нужные для этого начала миллионы, затем, воспользовавшись из этих миллионов, как следует, – оставить купаться в неудавшемся предприятии, как знают, доверчивых вносителей паев, и затем обратиться к правительству за решением новых, еще более грандиозных предприятий» [8].

Так в процессе перерождения промышленного капитала в финансовый из плутократии сформировалось ядро крупной кредитно-банковской буржуазии, под знаком господства которой прошел весь XX в. Основные черты этого господства характеризовали в своих трудах Р. Гильфердинг, Дж.А. Гобсон, В.И. Ленин, а беллетрист Дж. Лондон под впечатлением от происходивших в обществе перемен создал яркое художественное описание правления «мировой финансовой олигархии» в антиутопии «Железная пята» (1908). Но детальный анализ этой общественно-экономической системы выполнил почти забытый в наши дни исследователь – Александр Александрович Богданов (1873–1928).

В работе «Элементы организационной динамики капитализма XX века» он выявил причину установления власти кредитно-банковского капитала над индустриальным: «Чем острее борьба за рынок, тем важнее для каждого промышленного предприятия кредитная поддержка: она позволяет быстро расширять предприятие и совершенствовать технику, пережить неблагоприятные цены и т.п.; побеждает тот, кто лучше вооружен кредитом (естественно, при прочих равных параметрах производства. – *прим. авт.*). Между тем, сам кредитный капитал организовывался и объединялся, по своей гибкости, гораздо быстрее промышленного, и для него острота конкуренции, следовательно, не повышалась в такой мере. Так создалось мало-помалу положение, при котором он стал в общем диктовать условия. А раз это случилось, дальнейшее развитие руководящей его роли пошло с возрастающей скоростью – каждый следующий шаг был уже легче предыдущего» [5, с. 430–431].

При этом ученый отмечал, что скорость, при которой финансовый капитал смог взять под контроль мировую хозяйственную жизнь целиком, обусловлена не столько организационной гибкостью новой формы капитализма,

сколько «неглубоким характером ее преобразующего действия», ибо если в промышленных картелях, синдикатах и трестах регулирование производственно-технических процессов является систематическим, то «в организации финансового капитала этого, вообще говоря, нет. Руководящая группа ... вовсе не ставит своей специальной задачей общее нормирование работы этих подвластных хозяйственных единиц. Центр вмешивается в их жизнь тогда и постольку, когда и поскольку это требуется интересами акционерно-кредитной их эксплуатации, которая и представляет его собственную задачу. Это – вмешательство от случая к случаю, когда, например, одно из подчиненных предприятий вступает в острую конкуренцию с другим таким же, или когда оно покупает сырье у предприятий чужой группы, а не своей, или когда оно пытается взять заем в чужом банке и т.п. Воздействие может простираться на любую организационную функцию: и на технику, когда, например, центр не дает ходу или, напротив, своим давлением усиленно дает ход тому или иному новому изобретению, и на внутренние отношения предприятий, например, запрещение тех или иных условий соглашения с рабочими, и на цены, и на другие условия сбыта, – но все это лишь по мере надобности, и притом надобности специфической, относящейся к увеличению прибыли центра или укреплению его власти» [5, с. 431]. Таким образом, присущее индустриальному способу производства управление на базе рационально обоснованных нормативов при переходе к финансовому капитализму сменяется управлением, основанным на «правилах», которые произвольно меняются корпоративной элитой сообразно своим интересам. Сложившийся стиль управления, по Богданову, напоминает «вассально-сюзеренные отношения слабо спаянных феодальных группировок» [5, с. 432] – структурно неустойчивые и очень конфликтные.

По мере срастания финансового капитала с государственными структурами этот «неофеодальный» стиль управления ведет к усилению милитаризма. Интерес «финансовой олигархии» к вооруженным силам Богданов объяснял двумя моментами: во-первых, возможностью использовать армию для прямого захвата новых рынков или обеспечения сильной позиции в торгово-дипломатических переговорах, а, во-вторых, тем, что растущий рынок вооружений становится для финансово-капиталисти-

ческих корпораций источником колоссальной дополнительной прибыли, ибо военные заказы оплачиваются государством, которое ради своей безопасности не останавливается перед любыми издержками и не знает форс-мажорных обстоятельств, обладая практически неиссякаемым источником доходов в виде налогов [5, с. 432]. Но милитаризм был выгоден властвующей и финансовой элите еще и потому, что, в отличие от других отраслей хозяйства, направленных в конечном счете «к созиданию предметов человеческого потребления» [5, с. 433], военная промышленность создает изделия, изначально не предназначенные для удовлетворения жизненных потребностей людей [5, с. 436], и потому не порождает классических кризисов перепроизводства, возникавших из-за неспособности общества потребить избыток товаров: оружие стабильно приобретает государством для армии и частью утилизируется по окончании установленных сроков хранения, частью перепродается за рубеж, а частью расходуется во время учений и сражений. При этом, как отмечал Богданов, «война создает колоссальный дополнительный рынок для товаров и такой же спрос на рабочую силу; этим приостанавливается действие всех тех отрицательных условий, которые порождаются ограниченностью рынка ... , его анархическими, стихийными расширениями и сужениями. Капитал, в худшем случае – ценой перемещения в отрасли, нужные для войны, – перестает страдать от конкуренции других капиталов, от недостаточности спроса и от понижения цен; работник же – от конкуренции других рабочих и от безработицы» [4, с. 317].

В силу этих обстоятельств локальные «империалистические» войны становились основой парадоксального идеологического консенсуса: при всем неравенстве качества жизни сверхбогатые финансовые олигархи и наемные пролетарии одинаково воспринимали военно-силовое воздействие как эффективный метод решения проблем общества. Правящая элита всячески подкрепляла это мировоззренческое единство с помощью милитаристской пропаганды, как правило, принимающей опосредованную форму. Например, сразу после первой опиумной войны британская и французская пресса подняли мощную волну публицистических обличений Российской империи как «тюрьмы народов» (это словосочетание ввел в обиход маркиз А. де Кюстин в 1839 г. [12, с. 567]), называя царя

Николая I не иначе как «жандармом Европы», и эта пропагандистская атака предшествовала Крымской войне. Вести ее английские и французские стратеги планировали по китайскому сценарию – с аннексией приграничных территорий и установлением иностранного контроля над внешней торговлей и дипломатией [3, с. 17]. Аналогичным образом, в 1880-х гг. европейскую прессу заполнили псевдонаучные публикации о «желтой опасности» в виде якобы неизбежного нападения Циньского Китая на «цивилизованный мир» с целью порабощения белой расы, предварившие раздел еще не занятых британцами китайских земель между Японией, Францией, Германией и Россией [25, р. 109–115]. В дальнейшем этот успешный прием демонизации будущей жертвы нападения воспроизводился с небольшими вариациями в отношении любого государства, предназначенного финансово-капиталистической олигархией на роль очередной колонии.

Обусловленный этим «рост национализма и шовинизма в передовых странах, успех империалистической литературы, развитие завоевательных планов и т.п.» [5, с. 434] Богданов воспринимал как один из ключевых симптомов своеобразного «кризиса перепроизводства милитаризма»: сложившиеся к началу XX в. транснациональные финансовые корпорации не устранили конкуренции, а лишь перевели ее на качественно высший – глобальный – уровень, превратив государственную бюрократию и армию в дополнительные инструменты борьбы за прибыль.

Именно в рамках этой логики соперничества еще на рубеже XIX и XX вв. сформировалась практика «торговых войн», в которых манипуляции властей с пошлинами и тарифами прямо приравнивались к ведению боевых действий против иностранного капитала с целью, как минимум, вытеснения его с внутреннего национального рынка. Там, где эта стратегия не давала желаемых результатов, осуществлялся переход к открытому силовому давлению, начиная от дипломатических нот и заканчивая военными захватами. Именно так Австро-Венгрия аннексировала у Сербии Боснию и Герцеговину (1908 г.) для выхода к теплему Адриатическому морю, а затем планировала включить в свой состав все земли Сербии [17, с. 19]. Так же Германия, соединив дипломатическое давление на Францию с явной демонстрацией силы, получила под свою юрисдикцию часть Французского

Конго (1911 г.), а Италия, прямо копируя политику старых колониальных империй, отвоевала у Турции Триполитанию и Киренаику (1912 г.).

В результате сложилась стратегия, противоположная принципу К. Клаузевица: уже не война была продолжением дипломатии другими средствами, а дипломатия стала одним из орудий войны ради захвата новых территорий и подчинения новых человеческих сообществ «правилам», колеблющимся вместе с интересами финансово-промышленных корпораций. Итогом реализации этой стратегии А.А. Богданов видел глобальную войну между крупными богатыми государствами вследствие «перепроизводства не только вещей, но и *организованных человеческих сил*, именно организованных в ... форме милитаризма» [5, с. 435], соответственно которому «армия вообще, и в мирное, и в военное время, представляет обширную *потребительскую коммуну* строения строго *авторитарного*. Массы людей живут на содержании у государства, планомерно распределяя в своей среде доставляемые из производственного аппарата продукты и довольно равномерно их потребляя, не будучи, однако, участниками производства. ... В мирное время вся коммуна настолько мала по сравнению с обществом в целом, что ни в культурном, ни в структурном смысле отнюдь не может оказывать решающего влияния на его жизнь: несколько сот тысяч человек, объективно бесполезных для общества, среди нескольких десятков миллионов экономически активного населения. Но теперь (с началом Первой Мировой войны. – прим. авт.) это соотношение существенно изменилось ... , во-первых, количественно: армия составляет уже 10–15 процентов населения вообще и гораздо более значительную долю трудоспособных его элементов. Во-вторых, качественно: армия перестала быть бесполезной, она сделалась необходимейшим органом защиты и спасения целого. Естественно, что влияние армии, структурное и культурное, на весь общественный процесс колоссально возросло» [4, с. 335–336].

Ключевое воздействие милитаристской организации на общество в период глобальной войны проявилось, по Богданову, в «постепенном распространении потребительного коммунизма с армии на остальное общество», когда «на содержании у государства, если не вполне, то в значительной мере, оказываются еще многие миллионы людей, совершенно независимо от какой-либо их собственной функции в про-

изводстве, не по принципу найма, а по принципу права на удовлетворение потребностей» [4, с. 336]. Начался этот процесс с выдачи пособий семьям мобилизованных, а затем, по мере разрушения хозяйственной системы под влиянием войны, перешел в уравнилельно-нормированное вне рыночное распределение жизненных благ через государственные – и в меньшей степени через корпоративные – бюрократические структуры, которые при продолжении войны установили тотальный контроль за жизнеобеспечением населения [4, с. 336–338].

Естественно, что столь крупномасштабные преобразования не могли не затронуть идеологию общества – самый глубинный ее пласт, связанный не с той или иной политико-философской доктриной, а с базовыми формами реагирования человека на окружающую действительность. Анализируя эту трансформацию общественного сознания, Богданов отметил, что в ходе Первой мировой войны средний житель каждой воюющей страны «усвоил всю логику казармы, все ее методы, всю ее специфическую культуру и ее идеал. Логика казармы, в противоположность логике фабрики, характеризуется тем, что она понимает всякую задачу как вопрос ударной силы, а не как вопрос организационного опыта и труда» [4, с. 353], и потому общество, функционирующее в рамках подобных ориентиров, практически идеально вписывается в мир, основанный на «правилах», которые финансовая олигархия может менять по своему усмотрению. Складывалась картина взаимодействия социальных «верхов» и «низов», которую К. Маркс охарактеризовал как «пустую и бесчестную игру в проповедники, при которой, с одной стороны, полагается вдохновенный пророк, а с другой – допускаются только ослы, слушающие его, разинув рот...» [1, с. 280].

Но А.А. Богданов рассматривал и альтернативу создаваемой финансовым капиталом системе отношений, при которой большинству населения отводится роль пассивных потребителей материальных благ, выдаваемых «хозяевами жизни» в обмен на послушное следование хаотически меняющимся «правилам». Возникший в ходе глобальной войны строй фактически отлучал рядового гражданина от «производительного дела», предлагая за выполнение узкоспециализированных профессиональных обязанностей «только *паек*» [4, с. 353], делая, таким образом, акцент исключительно на при-

своении и потреблении жизненных благ и создавая «порядок, совершенно противоположный нормальному – там (в не подвергшихся финансово-капиталистической деформации хозяйственных отношениях. – прим. авт.) развитием *производства* определяются изменения форм распределения и потребления» [4, с. 337].

«Механику» этого процесса Богданов объяснял следующим образом: «Каждый элемент общества – группа или отдельный член – должен получить все необходимое для выполнения их производственной функции. ... Когда ... производительные силы еще ограничены и принудительная дисциплина труда еще не может быть устранена, распределение должно основываться на пропорциональности между трудом и вознаграждением. Обществу нельзя выйти из этих рамок потому, что иначе в его распоряжении оказалась бы недостаточная сумма труда. Оно ... вынуждено быть экономным в потреблении, чтобы гарантировать всем достаток и в то же время быстро расширить и укрепить свою техническую основу... На следующей ступени, когда производительные силы общества доведены до высоты, делающей экономию излишней, ... ограничительные мотивы отпадают» [4, с. 304], т.к. производимых средств жизнеобеспечения хватает для покрытия базовых потребностей всех.

Чрезвычайно важно, что в описанной Богдановым системе отношений нет места для уравнительного распределения жизненных благ в зависимости от того, насколько конкретный индивид или группа следуют «правилам», установленным олигархической элитой. Ученый не единожды уточнял: вопрос организации производства и распределения средств жизнеобеспечения людей есть «задача *научно-статистическая* – и только такая» [4, с. 302]. Решить ее может лишь коллектив сознательных единомышленников, при всем несходстве профессий одинаково вовлеченных в процессы создания и распространения того, что поддерживает жизнь каждого. Объединить этот коллектив, по словам Богданова, должны не традиции, характерные для архаических сообществ, и не переменчивые «правила» финансово-капиталистических корпораций, а нормы практической целесообразности, вроде технических стандартов и научных закономерностей, которые «никого и ни к чему не принуждают, а только указывают наилучшие способы к достижению той или иной *данной* цели» [4, с. 61]. В этих условиях

постановка целей изначально подчинена строгому аксиоматическому принципу, исключающему произвол: «Нормы целесообразности – не игра мышления, а определенные *формы жизни*. ... Они соответствуют гармоническому развитию жизни и имеют его своей предпосылкой. Этим вполне определяется та всеобщая конечная цель, которой они подчинены: максимум жизни общества, как целого, совпадающий в то же время с максимумом жизни его отдельных частей и его элементов – личностей» [4, с. 62].

Процесс движения к этой конечной цели представляет собой планомерную организацию хозяйственной и общественной деятельности ради последовательного удовлетворения жизненных потребностей человека, начиная от базовых витальных и заканчивая высшими духовными. Естественной мерой здесь, по Богданову, являлся уровень развития технологий производства и распределения средств жизнеобеспечения людей. Именно в этом ученый видел отличие подлинно рационального преобразования социально-экономической системы от вынужденных мер, которые финансово-олигархический капитализм внедрял в условиях глобальной войны. Богданов отмечал: в то время как «коммунизм (“общность” или “общинность”) есть понятие, связанное в первую очередь со сферой присвоения, распределения», «коллективизм (буквально – “соборность”) относится прежде всего к сфере труда, производства, обозначает объединение человеческих усилий, действий... Различие можно хорошо иллюстрировать терминами “рабочий коллектив” и “коммуна рабочих”»: первый вызывает идею объединенного группового труда, второй – объединенного домашнего хозяйства, общего помещения, общего стола, вообще – совместного владения и распределения потребляемых продуктов, организованного группой» [5, с. 82].

Одним из долгоживущих примеров описанного А.А. Богдановым коллективизма-соборности может служить хозяйственная и общественная система России, сформированная вследствие уникального сочетания природно-климатических и социально-исторических факторов. Резко континентальный климат и обусловленный им короткий сезон сельскохозяйственных работ вели к тому, что русский человек «был угнетен непрестанною работою круглый год лишь для того, чтобы быть только сытым, одеться, обуться, спастись от непогоды» [10, с. 11]. Если учесть, что гигантская

территория России самой природой разделена на четыре обширных, но абсолютно не самодостаточных в экономическом смысле полосы, то их строго планомерное хозяйственное взаимодействие оказывается просто неизбежным, ибо «лесная полоса нуждается в приднепровском хлебе и в приволжском скоте; южным степям необходим северный лес», а жители ледяных пустынь Крайнего Севера и песчаных пустынь Средней Азии вообще не выживут без регулярных поставок из более благоприятных регионов [21, с. 10]. И такие цепочки взаимных зависимостей выстраиваются по всем средствам жизнеобеспечения. Соответственно, для устойчивости национального хозяйства оказывается необходима централизованная упорядоченная структура – государство, организатор бесперебойного обмена жизненных благ между регионами, не зависящий от непредсказуемых колебаний рыночной стихии. Этим Россия отличается от Европы, обогреваемой Гольфстримом, прикрытой от северных ветров горными массивами – от Скандинавских Альп в Швеции до Пиренеев в Испании, и разделенной на самодостаточные анклав, равно удобные для военной защиты и ведения частного хозяйства без поддержки государства [21, с. 3, 4].

Несходство природных условий и порождаемых ими способов хозяйствования сформировало принципиально разные экономические практики, отраженные в идеологии общества. В России фундаментом идеологии стал компонент византийского православия, связанный с именем апостола Иоанна Богослова, обладавшего тягой к постановке предельных вопросов и стремлением заглянуть в «конец времен». Прикладная интерпретация этих качеств была сформулирована в конце XVIII в. Феофаном Затворником: «Надо все мерить последней целью. Зачем живем? Чтобы приготовиться к жизни вечной» [11, с. 165] Это означало, что целью хозяйственной деятельности следовало считать предотвращение голодной смерти и удовлетворение витальных потребностей, но отнюдь не накопление богатств через получение прибыли [11, с. 166]. Западное общество, напротив, сделало основой идеологии доктрину апостола Петра, глубоко вникавшего в организацию повседневной жизни христиан путем выработки правил, по возможности регламентирующих каждый поступок человека [11, с. 161–162], и добродетелью западного мирянина стало нерассуждающее следование формальным правилам,

установленным католической церковью (предположительно, ради совершенствования общества) [11, с. 164].

Таким образом, в мировоззрении русского и западного обществ сложилась парадоксальная ситуация: активно-деятельное начало католичества, заложенное апостолом Петром, формировало личность, пассивно следующую непредсказуемо меняющимся правилам, и, напротив, пассивно-созерцательные принципы православия, сформулированные Иоанном Богословом и развитые Феофаном Затворником, побуждали человека самостоятельно соотносить личные деяния и поступки с крупномасштабными и общезначимыми предельными целями. В начале XX в. эта антиномия выразилась в противопоставлении «генетических» (стихийных, рыночных, вероятностных) и «телеологических» (организованных, плановых, целерациональных) подходов к организации производства [7, с. 8], причем первые относились к западной, а последние – к отечественной традиции управления.

Отличительной особенностью «генетического» подхода была ситуативная реакция на внешние события: так, угроза дефицита средств жизнеобеспечения подтолкнула средневековую Европу к крестовым походам, позволявшим насильственно отнять жизненные блага у неевропейцев [13, с. 66–70]. А когда подобное силовое решение оказывалось объективно невозможным, в дело включалась колониальная торговля, которая, однако, не давала гарантированного результата без применения военной силы: так, в 1630 г. посольство Генеральных Штатов Нидерландов предложило царю Михаилу Федоровичу торговый договор, согласно которому «голландцы должны были получить *монополию* на вывоз хлеба из России. Но этого мало: в Московском государстве должны были появиться своего рода “хлебные плантации”; нидерландские предприниматели должны были получить право приезжать в Россию и распахивать здесь “новинные земли”, лежавшие впусе, которых, по голландскому представлению, в Московском государстве было чрезвычайно много» [19, с. 180]. При этом «в Москве тоже были не прочь сделать хлебный торг монополией, но монополией *царской*» [19, с. 180], которая до 1653 г. приносила в казну от 60 до 75% чистой прибыли, а затем была свернута: стало нечего экспортировать, ибо все собранное зерно потреблялось внутри страны [19, с. 181].

Неудача голландцев способствовала тому, что дальнейшие попытки европейцев установить контроль над русским Черноземьем имели сугубо военную форму: и шведский король Карл XII в 1709 г., и англо-франко-турецкая коалиция в 1853 г., и Антанта в 1918–1919 гг., и гитлеровский Третий Рейх в 1941–1943 гг. стремились прежде всего к установлению контроля над основным хлебоносным регионом Восточной Европы. Но по мере хозяйственного освоения русских земель к этому главному богатству прибавлялись уральская медь, донбасский уголь, бакинская и поволжская нефть, курское железо, ленское золото и т.д., пока к началу XXI в. не оказалось, что на среднестатистическую душу населения России приходится 160 тыс. долл. природного капитала (для сравнения: в Британии, Франции и Германии эта величина составляет 7,1–7,5 тыс. долл.) [9, с. 6]. В итоге для «плутократических» структур Запада милитаризм закономерно стал единственно приемлемой организационной формой, позволявшей притязать на контроль над сырьевыми богатствами России. А для контроля за собственным населением западные государства сохраняют уравнилельно-бюрократические приемы «военно-коммунистического» распределения жизненных благ, выработанные еще в период Первой мировой войны и адаптированные к реалиям второй половины XX – начала XXI вв. [23, с. 309].

Таким образом, методика тектологического системного анализа, основанная на марксистской методологии, позволяет исследовать политико-экономические процессы не только прошедших времен, но и новейшей истории. Фактически, Богданов в своих аналитических выкладках еще сто лет назад указал ключевую проблему развития индустриального общества в течение всего XX в.: усиление спекулятивного финансового капитала способно идти только одним – сугубо экстенсивным – путем, через установление контроля над новыми территориями и системой жизнеобеспечения их населения. Инструментом такого контроля, помимо вооруженных захватов, является прогрессирующее распространение кредитной зависимости, постепенно охватывающей всех, начиная с рядовых граждан и заканчивая предприятиями и целыми государствами. Но такое расширение контроля обладает фундаментальным ограничением: поскольку человек, существо во всех отношениях конечное, не способен бесконечно

брать кредиты и столь же бесконечно их отрабатывать, да и общая площадь населенных территорий планеты тоже отнюдь не бесконечна, самовозрастание спекулятивного финансового капитала возможно лишь до общего уровня глобального человеческого труда в его непосредственной неопредмеченной форме, и не выше. Иначе говоря, при установлении действительного контроля «плутократии» над всеми месторождениями ресурсов, всеми производственными предприятиями, всеми политическими структурами нашей планеты, а равно над трудом, доходами и потреблением каждого жителя Земли вся получаемая прибыль будет полностью поглощаться подконтрольным «плутократии» человечеством – иначе неизбежна гуманитарная катастрофа глобального масштаба [14, с. 55–56; 16, с. 129–133].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненков П.В. Замечательное десятилетие // Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1989. С. 111–352.
2. Артамонов С.Д. Шарль Монтескье и его философский роман «Персидские письма» // Монтескье Ш. Персидские письма. М.: Гослитиздат, 1955. С. 3–23.
3. Бестужев И.В. Крымская война 1853–1856 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
4. Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990.
5. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М.: Экономика, 2003.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
7. Гловели Г.Д. Тектология: генеалогия и историография // Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М.: Экономика, 2003. С. 3–20.
8. Елисеев Г.З. Плутократия и ее основы // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. Вып. 3 (70-е гг. – середина 90-х гг. XIX в.). М., 1956. С. 57–63.
9. Жуков В.И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 3–14.
10. Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. М.: Эксмо, 2008.
11. Коваль Т.Б. Православие и католицизм (Отношение к земной жизни и ее благам) // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 160–173.

12. Кюстин А. Россия в 1839 г. // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991. С. 421–660.

13. Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада. М.: Прогресс-Академия, 1992.

14. Луценко А.В. Стратегия перехода к новому обществу: тектология, «военный коммунизм» и реальность // История, экономика, культура, общественная мысль России: сборник статей аспирантов-историков. Томск: Издательство Томского университета, 1997. С. 28–68.

15. Мухин Ю.И. Сталин против кризиса. М.: Эксмо; Алгоритм, 2009.

16. Неизвестный Богданов: в 3-х кн. Кн. 1. А.А. Богданов (Малиновский). Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928 гг. М.: АИРО-XX, 1995.

17. Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1985.

18. Плутократия // Большая советская энциклопедия: в 30-ти т. Т. 20. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 54.

19. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен: в 4-х т. Т. 2. М.: ОГИЗ, 1933.

20. Примечания к роману Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда» // Диккенс Ч. Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим. Кишинев: Гослитиздат Молдавии, 1956. С. 770–776.

21. Рамбо А. Живописная история древней и новой России. М.: Современник, 1994.

22. Стариков Н. Кризис: Как это делается. СПб.: Лидер, 2010.

23. Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка. Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию. М.: Мысль, 2012.

24. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 185–230.

25. The Cambridge History of China. Vol. 11. Late Ch'ing, 1800–1911. Part 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

REFERENCES

1. Annenkov, P.V., 1989. Zamechatel'noe desyatiletie [A remarkable decade]. In: Annenkov, P.V., 1989. Literaturnye vospominaniya. Moskva: Pravda, pp. 111–352. (in Russ.)

2. Artamonov, S.D., 1955. Charl' Montesk'e i ego filosofskii roman «Persidskie pis'ma» [Charles

Montesquieu and his philosophical novel «Persian letters»]. In: Montesquieu, Ch., 1955. Persidskie pis'ma. Moskva: Goslitizdat, pp. 3–23. (in Russ.)

3. Bestuzhev, I.V., 1958. Krymskaya voina 1853–1856 gg. [The Crimean War, 1853–1856]. Moskva: Izd-vo AN SSSR. (in Russ.)

4. Bogdanov, A.A., 1990. Voprosy sotsializma. Raboty raznykh let [Problems of socialism. Works from various years]. Moskva: Politizdat. (in Russ.)

5. Bogdanov, A.A., 2003. Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka [Tectology or general organizational science]. Moskva: Ekonomika. (in Russ.)

6. Hegel, G.W.F., 1990. Filosofiya prava [The philosophy of law]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)

7. Gloveli, G.D., 2003. Tektologiya: genealogiya i istoriografiya [Tectology: genealogy and historiography] In: Bogdanov, A.A., 2003. Tektologiya: Vseobshchaya organizatsionnaya nauka. Moskva: Ekonomika, pp. 3–20. (in Russ.)

8. Eliseev, G.Z., 1956. Plutokratiya i eyo osnovy [Plutocracy and its bases]. In: Sbornik materialov k izucheniyu istorii russkoi zhurnalistiki Vyp. 3. (70-e gg. – seredina 90-kh gg. XIX v.) Moskva, 1956, pp. 57–63. (in Russ.)

9. Zhukov, V.I., 2008. Rossiya v global'noi sisteme sotsial'nykh koordinat: sotsiologicheskii analiz i prognoz [Russia in the global system of social coordinates: sociological analysis and forecast], Sotsiologicheskie issledovaniya, no. 12, pp. 3–14. (in Russ.)

10. Zabelin, I.E., 2008. Istoriya russkoi zhizni s drevneishikh vremen [The history of Russian life from ancient times]. Moskva: Eksmo. (in Russ.)

11. Koval', T.B., 2009. Pravoslavie i katolitsizm (Otnoshenie k zemnoi zhizni i eyo blagam) [Orthodoxy and Catholicism (The attitude to earthly life and its benefits)], Obshchestvennye nauki i sovremennost', no. 4, pp. 160–173. (in Russ.)

12. Custine, A., 1991. Rossiya v 1839 g. [Russia in 1839]. In: Rossiya pervoi poloviny XIX v. glazami inostrantsev. Leningrad: Lenizdat, 1991, pp. 421–660. (in Russ.)

13. Le Goff, J., 1992. Tsivilizatsiya Srednevekovogo Zapada [The civilization of the Medieval West]. Moskva: Progress-Akademiya. (in Russ.)

14. Lutsenko, A.V., 1997. Strategiya perekhoda k novomu obshchestvu: tektologiya, «voennyi kommunizm» i real'nost' [Strategy of transfer to new society: tectology, «military communism» and reality]. In: Istoriya, ekonomika,

kul'tura, obshchestvennaya mysl' Rossii: sbornik statei aspirantov-istorikov. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1997, pp. 28–68. (in Russ.)

15. Mukhin, Yu.I., 2009. Stalin protiv krizisa [Stalin against Crisis]. Moskva: Eksmo; Algoritm. (in Russ.)

16. Neizvestnyi Bogdanov Kn. 1. A.A. Bogdanov (Malinovskii). Stat'i, doklady, pis'ma i vospominaniya. 1901–1928 gg. [Unknown Bogdanov. Book 1. A.A. Bogdanov (Malinovsky). Articles, reports, letters and memories. 1901–1928]. Moskva: AIRO-XX, 1995. (in Russ.)

17. Pisarev, Yu.A., 1985. Velikie derzhavy i Balkany nakanune Pervoi mirovoi voiny [The great powers and the Balkans on the eve of the World War I]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

18. Plutokratiya [Plutocracy]. In: Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. T. 20. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1975, p. 54. (in Russ.)

19. Pokrovskii, M.N., 1933. Russkaya istoriya s drevneishikh vremen. T. 2 [History of Russia from the earliest times. Vol. 2]. Moskva: OGIZ. (in Russ.)

20. Primechaniya k romanu Ch. Dikkensa «Zhizn' Devida Kopperfilda» [Notes to the novel «The life of David Copperfield» by Ch. Dickens]. In: Dickens, Ch., 1956. Zhizn' Devida Kopperfilda. Kishinev: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Moldavii, pp. 770–776. (in Russ.)

21. Rambaud, A., 1994. Zhivopisnaya istoriya drevnei i novoi Rossii [A popular history of ancient and new Russia]. Moskva: Sovremennik. (in Russ.)

22. Starikov, N., 2010. Krizis. Kak eto delaetsya [Crisis: How is it done?]. Sankt-Peterburg: Lider. (in Russ.)

23. Folsom, B., 2012. Novyi kurs ili krivaya dorozhka. Kak ekonomicheskaya politika F. Ruzvel'ta prodlila Velikuyu depressiyu [New Deal or Raw Deal? How FDR's economic legacy damaged America]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)

24. Engels, F., 1961. Razvitie sotsializma ot utopii k nauke [Socialism: utopian and scientific]. In: Marx, K. and Engels, F., 1961. Sochineniya. T. 19. Moskva: Gospolitizdat, pp. 181–230. (in Russ.)

25. The Cambridge History of China. Vol. 11. Late Ch'ing, 1800–1911. Part 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

